

НЕИЗДАНЫЕ СТАТЬИ АНДРЕЯ БЕЛОГО

(ПУБЛИКАЦИЯ А. В. ЛАВРОВА)

В октябре 1980 года исполнилось 100 лет со дня рождения Андрея Белого — одного из наиболее значительных писателей начала XX века, крупнейшего представителя русского символизма. Поэт, прозаик, драматург, теоретик искусства, философ, критик, публицист, мемуарист, литературовед — Белый оставил огромное и многообразное литературное наследие. Ему принадлежит несколько десятков книг, множество произведений рассеяно по журнальной и газетной периодике. Значительная часть творческого наследия Белого по сей день остается неизданной.

Статьи Белого «Довольно!» и «Сорок тысяч курьеров» относятся к числу его критических выступлений, вызванных полемикой по поводу «мистического анархизма».

Эта философско-эстетическая теория была выдвинута Г. И. Чулковым, который наиболее подробно обосновал ее в книге «О мистическом анархизме» (1906), вышедшей в свет с сочувственным предисловием Вяч. Иванова. В 1906—1907 годах «мистический анархизм» получил определенный резонанс, преимущественно в кругу петербургских символистов; с исканиями Чулкова в это время пересеклись творческие судьбы А. Блока и С. Городецкого. Под эгидой «мистического анархизма» были сформированы и выпущены в свет в 1906—1908 годах три альманаха «Факелы» (второй выпуск содержит статьи теоретического характера, написанные Чулковым, Вяч. Ивановым, С. Городецким, А. Мейером и др.). Близки к «мистическому анархизму» были и такие философско-эстетические построения, как «соборный индивидуализм» М. Л. Гофмана и «иннормализм» («иннормизм») Конст. Эрберга.

В основу «мистического анархизма» была положена идея синтеза философского анархизма и мистицизма; соединение этих начал, согласно теории Чулкова, открывало путь к гармоническому утверждению личности в обществе и тем самым к преодолению индивидуализма. Основанная в значительной степени на провозглашенной Вяч. Ивановым идее неприятия мира данного во имя грядущего соборного, доктрина «мистического анархизма» оказалась очень характерным симптомом времени. Отражив в себе волну общественных настроений, вызванных революционными событиями 1905 года, «мистический анархизм» продемонстрировал разочарование писателей символистского направления в индивидуализме, как основном принципе «нового искусства, и «декадентстве» — идея внутреннего отчуждения от мира была осознана как бесперспектив-

Предмет настоящей публикации — две полемические статьи Белого, написанные им, видимо, для журнала «Весь», но не доведенные до печати, а также неоконченная статья о судьбе французского символизма (1918). Эти небольшие произведения, однако, дополняют представление о литературно-эстетических взглядах Белого в пору расцвета русской символистской школы и в послереволюционное время, когда символизм уже во многом был достоянием истории. §

ная; при всей расплывчатости теоретических установок «мистический анархизм» провозглашал тяготение к общественности и «непримиримое отношение к власти над человеком внешних обязательных норм» (как оповещалось в редакционном предисловии к «Факелам»).¹ В то же время новая идейная платформа оказалась в трактовке Чулкова заткнутой, бессистемной и эклектичной. Привлекая для доказательств универсальности идеи неприятия мира (а следовательно, и с целью демонстрации сопричастности «мистическому анархизму») имена Бакунина, Штирнера, Л. Толстого, Достоевского, Вл. Соловьева, Ницше, Ибсена, Чулков сочетает столь различных мыслителей при помощи своих заключений о «формальном анархизме», «формальном бунте», «неприятии эмпирического мира», говорит о Ницше и Ибсене как о «явных богоборцах», а о Соловьеве и Достоевском как о богоборцах в личине «богопокорства», и т. д.; очевидна легковесность этих философствований, объединявших с помощью вычурных формулировок заведомо разноплановые явления. Рассуждения Чулкова (это особенно заметно в его книге «О мистическом анархизме») бессистемно переклюкаются из одной сферы в другую без убедительной внутренней связи: философские идеи Соловьева перемежаются идеями социальных анархистов, мистическая соборность Вяч. Иванова смешивается с общественностью, понятой почти в политическом смысле, и в то же время постоянно подчеркиваются претензии на значительность, оригинальность и сугубую специфичность обосновываемой теории; так, Чулков заявляет, например, что «мистический анархизм» «является лишь путем к религиозному действию», и в этом отношении его необходимо противопоставить буддизму, который обещает человеку высшее знание в себе самом.²

¹ Факелы, кн. 1. СПб., 1906, с. 3.

² Чулков Георгий. О мистическом анархизме. СПб., 1906, с. 74 (со вступит.

Книга Чулкова «О мистическом анархизме» сразу же вызвала серию резко критических откликов, в том числе и рецензию Андрея Белого, в которой в тезисной форме были сформулированы упреки выдвинутой доктрине: «случайность и неответственность определений», недостаточная дифференциация понятий анархизма и индивидуализма, приводящая к их смешению, поверхностная связь с общественностью, неопределенность политических аллюзий.³ Столь же критичной оказалась и статья Брюсова о книге Чулкова, помещенная в «Весах».⁴

Позиция Белого и Брюсова по отношению к «мистическому анархизму» стала определяющей в выработке полемической линии «Весов» в 1906—1908 годах. Претензии на новое мирозерцание, переосмысляющее философско-эстетические постулаты символизма в направлении к соединению несоединимых сфер — «мистического опыта» и «общественности» — были отвергнуты обоими писателями, и их решительное и активное неприятие подкреплялось тем, что идеи Чулкова пришлось как раз ко времени и оказались в целом достаточно привлекательными для желающих «преодолеить» символистскую уединенность и «автономность». Привлекательной для многих была и эстетическая широта, даже «всеядность» («мистических анархистов»), и в особенности — их поддержка попыток реформации художественного метода символизма путем соединения его с другими методами.

Нужно отметить, однако, что «мистико-анархические» тенденции остались явлением достаточно локальным, по существу не затронув и не поколебав общего идейно-эстетического противостояния реалистического и символистского методов. В обсуждении теории Чулкова участвовали в основном литераторы символистского круга, за его пределами «мистическим анархизмом» глубоко не заинтересовались, расценив как наивную, курьезную и заведомо безуспешную попытку сочетать радикальный общественный пафос с религиозно-идеалистическими устремлениями. Назвав «мистических анархистов» по сути дела «мистическими либералами», далекими от осознания подлинно революционных задач, А. В. Луначарский указал на очевидную идейную несостоятельность «манифеста» Чулкова: «Смесь искренности, граничащей с истерическим „подъемом“, и кривляющегося кокетничанья характеризует книжку с внешней стороны. По содержанию это сбивчивые, спутанные мысли, потуги разложить и оформить свое настроение. За-

метной хоть мало-мальски силой это направление никогда не будет».⁵ В сфере влияния реалистической литературы идеи Чулкова соблазнить никого не могли и для полемики по этому поводу там не было оснований.

В символистской среде, напротив, реакция на идейную доктрину Чулкова оказалась чрезвычайно гипертрофированной. Белый и Брюсов одинаково восприняли новацию «мистических анархистов» как легкомысленное вторжение в недоступные их постижению области, даже как насмешку и провокацию по отношению к канонам символизма. При этом, в силу общей непродуманности и необоснованности «мистического анархизма», в силу его тяготения быть скорее стихийным настроением, чем отчетливо сформулированной концепцией, взгляды Чулкова и его идейных спутников в принципе допускали и совмещали все возможные ухищрения в духе «новой» эстетики и философии, в том числе и те положения, которые были присущи «классическому» символизму и в выработке которых принимали немалое участие Андрей Белый. «Я считаю моду на эти идеи ужасной профанацией того интимного опыта символистов, который опирался на подлинно узанное в 1901 году», — утверждал Белый,⁶ подчеркивая разницу между мистико-романтическими устремлениями, общими для него, Блока и других поэтов на рубеже веков, и их адаптацией «мистическими анархистами». Все эти принципиальные положения, безмерно усиленные внутри-символистскими фракционными разногласиями внешнего, случайного характера, конкуренцией и инцидентами между тремя основными журналами символистов («Весами», «Золотым руном» и «Перевалом»), а также не в последнюю очередь и личными обстоятельностью (в частности, конфликтными отношениями между Белым, Блоком и Л. Д. Блок и в связи с этим личным нерасположением Белого к Чулкову), обусловили беспрецедентную полемичку «всех против всех» и стимулировали дифференциацию внутри символизма. В ходе полемички пресловутый «мистический анархизм» неизменно оказывался порождающим началом и даже чуть ли не синонимом для любых попыток «преодоления» или ревизии «старого», «классического» символизма, а заодно и для проявлений эпитонства и литературной эклектики.

Роль «Весов» в разгоревшейся литературной борьбе была ведущей и решающей. Вольностям «мистических анархистов»

статьей Вяч. Иванова «О неприятии мира»).

³ Золотое руно, 1906, № 7—8—9, с. 174—175.

⁴ Аврелий [Брюсов В. Я.] Вехи. V. Мистические анархисты. — Веса, 1906, № 8, с. 43—47.

⁵ Луначарский А. Заметки философа. Неприемливые мира. — Образование, 1906, № 8, отд. II, с. 44.

⁶ Белый Андрей. Почему я стал символистом и почему я не перестал им быть во всех фазах моего идейного и художественного развития (1928). — ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 1, ед. хр. 74, л. 23 об.

в обращении с художественными и идейными ценностями «Весы» противостояли своеобразным символистским «академизмом» и пиететом к наследию прошлого, отношением к проблемам философии и искусства как к делу, требующему затрат всех жизненных сил, всей творческой воли. Знаменательно, что равноправными, по существу, лидерами «Весов» в этот период стали Брюсов, предшественник «автономно»-эстетического уклона в символизме, и Белый, сторонник символизма религиозно-философской окраски, которые объединились вплоть до выработки совместной тактики литературной борьбы.⁷ Это могло произойти только потому, что оба писателя осмыслили противостояние «мистическому анархизму» не как проявление внутреннего разногласия между союзниками, а как внешнее неприятие со стороны «истинных» символистов спекуляций на заимствованных у них и опошленных идеях.

Андрей Белый оказался самым активным и темпераментным «весовским» полемистом, обрушившись в 1907 году на Чулкова и «чулковство» с исключительной запальчивостью. Сам Белый характеризовал свою позицию так: «... я, никогда не думавший стать газетчиком и более всего мечтающий написать философский трактат о Символизме, видя в доме символизма пожар, — лечу на пожар с пожарной кишкой: окатывать мистико-анархический пыл струей холодной воды; так я вытянут в газету; все статьи мои того времени в „Весы“ носят газетный характер».⁸ Одна за другой появлялись статьи Белого, большей частью в «Весы», в которых он с неизменным постоянством обличал «мистический анархизм», как «провокацию», «хулиганство» и «профанацию» символизма. Поскольку «реформаторы» были в основном петербуржцами, Белый создает обобщенный сатирический образ «петербургского модерниста», кочующий у него из статьи в статью. «Петербургские мистики», утверждает Белый, повинны в вульгаризации духовных ценностей, в вынесении их на «базарное сборище», в создании из них рекламы. Изображая Петербург как некое засилье претенциозных и ложных явлений, Белый обогащал общую картину аллегориями, каламбурами, конкретными намеками и аллюзиями. Так, статья «Штемпелеванная калоша» вся строится на сквозном обыгрывании характерных черт «петербургского литератора», прогуливающегося над «бездной», и образа Петербурга — сто-

лицы, построенной на болоте, с ее неизменной сыкостью. После цепочки иронических экзерсисов следует вывод-каламбур: «Всякий смышленный, благовоспитанный человек прекрасно знает, что слово „бездна“ — жаргон в стиле модерн. И бездна нет никакой под резиновой калошей петербургского модерниста: есть скотская панель, а под ней — болото».⁹ Протест Белого, изначально нацеленный против «мистического анархизма», расширился, набирал силу и реально обращивался обличением эпигонской модернистской литературы, писательской продукции, выпускаемой на потребу моде и потакающей низменным, буржуазным вкусам. Эклектика «мистического анархизма» и стилевая чересполосица и вульгарность массовой модернистской словесности были для Белого явлениями внутренне родственными и взаимообусловленными.

Статья Белого «Довольно!» принадлежит к числу его наиболее резких, ожесточенных полемических выступлений. Не подвергая сомнению «истинную» мистику (представление о которой было связано для него с поэзией Вл. Соловьева, молодого Блока и собственным ранним творчеством), Белый всю силу своего обличения обрушивает на словопропацию о «мистической струе, охватившей общество», разоблачая их спекулятивность и беспочвенность. Объектом его критики и здесь оказываются не только «мистико-анархическое» брожение, но и гораздо заметнее и шире проявившие себя тенденции новейшей литературы с ее «проблемой пола», «мистической эротикой» и этическим нигилизмом, тенденции, направленные к пересмотру духовных и нравственных ценностей, унаследованных от русской классики XIX века. Подслушанная статья была нацелена против Вяч. Иванова, который своими толкованиями «дионисийства» и «соборности» подготовил — вольно или невольно — питательную почву для тех «мистико-анархических» идейных блужданий и сомнительных литературно-мистических «радений», которые обличал Белый.

Именно эта конкретная полемическая установка могла оказаться причиной того, что статья не увидела света. Порядковый номер статьи (XIV) и непсевдонимная подпись позволяют отнести ее к «весовскому» циклу статей Белого «На перевале» (который он помечал своим настоящим именем) и датировать 1908 годом (наиболее вероятно, второй половиной этого года).¹⁰ Однако к этому времени

⁷ Подробнее см. в статье К. М. Азадовского и Д. Е. Максимова «Брюсов и „Весы“» (Лит. наследство, т. 85, 1976, с. 284—288) и во вступительной статье С. С. Гречишкина и А. В. Лаврова к перепишке Брюсова и Андрея Белого (там же, с. 340—342).

⁸ Белый Андрей. Почему я стал символистом. . . л. 24.

⁹ Весы, 1907, № 5, с. 51.

¹⁰ Точнее датировать статью затруднительно, так как в нумерации цикла «На перевале» произошла путаница; под номером XII вышли подряд три статьи Белого этого цикла: «Realiora» (1908, № 5) — полемика с эстетическими идеями Вяч. Иванова, «Слово правды» (1908,

полемика вокруг «мистического анархизма» уже теряла свою актуальность, предпринимались шаги к более спокойному выяснению позиций или хотя бы к прекращению критических баталий. 30 декабря 1908 года Белый отправил Вяч. Иванову примирительное письмо,¹¹ после которого опубликование статьи «Довольно!» могло стать причиной новых, уже совсем нежелательных личных осложнений.

Не исключено, впрочем, что статья Белого могла быть отвергнута в редакции «Весов», — скорее всего Брюсовым, который, будучи основным инспиратором разгоревшейся борьбы, дипломатически старался не допускать в ней крайностей и личных оскорбительных выпадов. Тот же Вячеслав Иванов, пытаясь склонить Брюсова к изменению литературной тактики, указывал не раз на некорректность и чрезмерную резкость «весовских» критиков, прежде всего Белого и Элласа.¹² К. Д. Бальмонт, следивший за журнальными перепалками из-за границы, приходил в негодование от «весовской» полемики Белого — не по ее существу, а исключительно из-за резкости тона.¹³ Многочисленные протесты такого рода могли заставить Брюсова воздержаться от помещения гневной инвективы Белого, тем более в пору затухания внутрисимволистской полемики.

Как можно судить по ряду рассыпанных «актуальных» намеков, к 1908 году отнысится и вторая неизданная статья Белого

«Монолог № 1. Сорок тысяч курьеров» — сатирический памфлет, направленный в основном против засилья эпигонской литературы и тем самым опять же связанной с «мистико-анархической» темой. Этот «монолог Добчинского» — одно из первых проявлений «гоголевской» темы в творчестве Белого. «Самая родная, нам близкая, очаровывающая душу, и все же далекая, все еще не ясная для нас песня — песня Гоголя. И самый страшный, за сердце хватающий смех, звучащий, будто смех с погоста, и все же тревожащий нас, будто и мы мертвецы, — смех мертвеца, смех Гоголя!» — утверждал Белый в статье «Гоголь» (1909), отразившей его восторженное восприятие творчества великого писателя, наиболее близкого ему из всех писателей России.¹⁴ Отзвуки гоголевского смеха возникли и в полемических сатирах Белого. В «Штемпелеванной калаше» среди прочих химер воскресает гоголевский Хлестаков, который у Белого символизирует скороспелых невежественных теоретиков (все тех же мистических анархистов), ищущих у вульгарной публики дешевой популярности: «А вот поедет какой-нибудь из Иванов Александровичей в провинцию читать рефераты и рассказывать о своих полетах по воздуху над бездной, право даже приятно так станет, в жар и в холод бросит. Они ему: „Ах, ах, ах!“ Он им: „Я . . . я . . . я . . .!“»¹⁵ В октябре 1907 года герой «Ревизора» вновь воскрес под пером Белого — на этот раз в прозаическом

№ 9), «Вейвингер о поле и характере» (1909, № 2); под номером XIII статья Белого в «Весах» не появилось; номером XIV была обозначена его статья «Штемпелеванная культура» (1909, № 9), вышедшая в свет уже в ноябре 1909 года.

¹¹ Белый писал в нем Иванову: «. . . пишу Тебе без всякого повода и после бывшей полемики, направленной против Тебя. Ты, вероятно, удивлен: быть может, Ты негодуешь на мою смелость. А меня просто тянет сказать Тебе, что вот уже две недели, как я вдали, вдали. . . опять увидел Тебя сквозь мрачный туман, заволакивающий Твой образ для меня: Господь да прояснит мне Твой образ. Пусть будет между нами мир. . . Я больше не могу. . . я не хочу вражды!.. Вот нить с моей елки; я убирал мою елку три дня золотом с любовью и миром. Да протянется между нами золотая нить, если может она протянуться. Пусть скрепит она то между нами, что еще не очерчено *ими*. . .» (ГБЛ, ф. 109, архив Вяч. Иванова).

¹² См.: Лит. наследство, т. 85, с. 502—506, 513—516.

¹³ «. . .Оскорбляюсь наглými неприличными статьями Андрея Белого, — писал Бальмонт Брюсову 12 сентября 1907 года. — . . .Скорблю, что ты соединишься с ним в какой-то литературной «варе» (ГБЛ, ф. 386, карт. 76, ед. хр. 1).

¹⁴ Белый Андрей. Луг зеленый. Книга статей. М., 1910, с. 93. О характере воздействия творчества Гоголя на свои романы «Серебряный голубь», «Петербург» и «Москва» Белый написал в позднейшем исследовании «Мастерство Гоголя» (М.—Л., 1934, с. 297—309).

¹⁵ Веса, 1907, № 5, с. 51. Еще годом ранее З. Н. Гиппиус в статье о книге Чулкова «О мистическом анархизме» нарекла ее автора Хлестаковым от символизма, Белый только подхватил это сопоставление. Ср.: «Уверен ли сам г. Чулков, при его потрясающей самоуверенности тона, что он и мыслит логически, и поет хорошо и пленительно? Да, я думаю, уверен, как был уверен Иван Александрович Хлестаков, когда говорил это дрожащим чиновникам, что к нему точно скакали 30 тысяч курьеров, что он не генерал, а генералиссимус, и что он „я . . . я . . . я . . .“ Глубокое, искреннее утверждение своей личности!» (А н т о н К р а й н и й [Г и п п и у с З. Н.]. Иван Александрович — неудачник. — Веса, 1906, № 8, с. 50). Уже после напечатания «Штемпелеванной калаша» Гиппиус сопоставляла Чулкова с героем гоголевских «Записок сумасшедшего», возмущившим себя испанским королем (А н т о н К р а й н и й [Г и п п и у с З. Н.]. «Анекдот» об испанском короле. — Веса, 1907, № 8, с. 72—74).

этиде под заглавием «Иван Александрович Хлестаков». Изображая в нем столицу Российской империи как «вечное марево», фантазмагорию, город теневых призраков (впервые здесь отчетливо намечен тот образ «града Петрова», который воплотится через несколько лет в романе «Петербург»), Белый населяет ее гоголевскими персонажами; ими заполнен и петербургский литературный мир: Хлестаков и Чичиков, эти неумирающие комические фантомы, теперь «часто делают столы в переполненных департаментах — министерских и литературных»; «Туман закутал улицы, прилипает тенью к людям. Тень вползает в дома, выпивает живую душу — и перед нами, словно прямо осевший из тумана на Невский, Иван Александрович Хлестаков, с портфелем в руке, бежит к своему теневоу столу».¹⁶

В «монолог» «Сорок тысяч курьеров» Хлестаков только упоминается, но, по сути дела, в уста Добчинского вложено хлестаковское жизненное «кредо», рецепты достижения писательской славы явно восходят к монологам Хлестакова с его «легкостью необыкновенной в мыслях»; при этом штрихи современной литературной жизни даны очень густо и в резком сатирическом преломлении. Если в этиде «Иван Александрович Хлестаков» гоголевские персонажи всецело погружены в мир образов Белого, то в «монолог Добчинского» Белый пытается следовать гоголевскому стилю, точнее, гоголевскому «бесстилю», характерному для воспроизведения им чужой косноязычной речи. Упоминания об изобилующих в «Повести о капитане Копейкине» выражениях типа «изволите ли видеть», «так сказать» (имитация рассказа почтмейстера), Белый отмечает: «Именно этим грубым приемом достигает Гоголь ослепительной выразительности. Смех Гоголя одновременно и докультурный, и вместе с тем превосходит в своей утонченности не только Уайльда, Рембо, Соллогуба и других „декадентов“, но и Ницше подчас».¹⁷ Описание петербургских достопримечательностей в «Повести о капитане Копейкине» позволяет судить, какой именно «докультурный» смех и какие гоголевские «грубые» стилиевые приемы послужили для Белого отправной точкой в его «монолог» (опять же включающем сатирические выпады против неофилов литературного Петербурга): «Ну, можете представить себе: эдакой, какой-нибудь то есть, капитан Копейкин, и очутился вдруг в столице, которой подобной, так сказать, нет в мире, вдруг перед ним свет, относительно сказать, некоторое поле жизни, сказочная Шехерезада, понимаете, эдакая. Вдруг какой-нибудь эдакой, можете представить себе, Невский

прешпект, или там, знаете, какая-нибудь Гороховая, черт возьми, или там эдакая какая-нибудь Литейная; там шпиз эдакой какой-нибудь в воздухе; мосты там висят эдаким чертом, можете представить себе, без всякого, то есть, прикосновения, — словом, Семирамида, судырь, да и полно!»¹⁸

Литературная позиция Белого, скрывшегося за масками гоголевских персонажей (примечателен и избранный им в этом случае псевдоним «Яновский», которым подписаны также некоторые из его «весовских» статей; это родовая фамилия отца Гоголя), соответствует его критическим воззрениям, неоднократно высказанным «впрямую» на страницах «Весов». Хлестаковское хвастовство, вранье и легкомыслие, помноженное на глупость и бездарность Бобчинского и Добчинского, оказалось безупречной, убийственной характеристикой для литературного «обоза», потянувшегося за символистами после того, как это поэтическое направление получило признание и популярность.¹⁹ Преподносимые деловитым и суевливым Добчинским более инертному Бобчинскому рекомендации по созданию образцовых «модных», «современных» литературных произведений, обреченных на сенсационный успех у публики, на деле оказываются не слишком анекдотичным искажением реального положения вещей. Действительно, многие художественные открытия символистов, обогатившие русскую поэзию, превращались под пером бесчисленных и великих восприимчивых в разменную монету, штамп, литературное общее место; «декадентство», лет за десять до того еще бывшее «уделом немногих», обернулось уличной, самой доступной и ни к чему не обязывающей философией; преподаваемые Добчинским уроки «словотворчества» стали для многочисленных эпигонов «нового» искусства расхожим ремеслом, и результаты их опытов получались зачастую не менее пародийными, чем в «монолог» гоголевского героя. Однако под сатирическим прицелом Белого оказываются и веяния, только нарождавшиеся у него на глазах: «мистический реализм» — плод соединения символистского и реалистической стилистики (у Белого — Вячеслав Иванов и Иван Бунин «вкуче с Эсхилом и Эмпедоклом»), засилье эротики, самоцельные импрессионистические эффекты, стилизации античности и французского XVIII века (подразумевается прежде всего проза М. Кузмина и С. Ауслендера в особенности повесть последнего «Некоторые достойные внимания случаи из жизни Луки Бедо», напечатанная

¹⁶ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. т. VI. [Л.], 1951, с. 582.

¹⁷ Белый Андрей. Луг зеленый, с. 116.

¹⁹ См.: Бугаев Борис. На перевале. Х. Вольноотпущенники. — Весы 1908, № 2, с. 69—72.

в третьем альманахе «Факелы».²⁰ Комические составные прилагательные, избранные Добчинским, — опять же выпад по адресу Вяч. Иванова, достаточно колкий и обидный, и это, как и в случае со статьёй «Довольно!», могло повлиять на судьбу сатирического «монолога». Видимо, он также был предназначен для

«Весов», но подоспел к тому времени, когда журнал уже старался пригласить пафос своих полемических выступлений.

Статья «Довольно!» и «Сорок тысяч курьеров» печатаются по автографам, хранящимся в архиве Андрея Белого в ИМЛИ (ф. 11, оп. 1, ед. хр. 52, 53).

«НА ПЕРЕВАЛЕ». XIV. «ДОВОЛЬНО!»

Мистика, откровение, теургия: вчера еще святые слова. Сегодня это слова, продающиеся чуть ли не с торга. Почему? Разве в словах дело, а не в том глубоком и чистом русле души, с которым эти слова соединены? Да: но произносящие святые слова произносят их всуе. Говорят о мистической струе, охватившей общество: неправда: мистическая струя никогда, нигде не охватывала общества. Мистика — удел немногих, избранных душ, которых внутренний путь — сплошная борьба, сплошное испытание; без удивления теперь говорят нам о мистическом восприятии; ясно показывают такие речи, что мистического восприятия нет у мистиков наших дней.

Некоторые современные мистики наивно верят в то, что их опыт исчерпывается личными переживаниями, раз переживая эти приобретают для них символический смысл. Они сводят мистику к переживанию; образы действительности суть символы их переживаний. И вот: «А» влюблен в «В»; это — символ; «В» согласен с «С»; это тоже символ. Они забывают, что для посвященного сами переживания суть символы некоторых скрытых возможностей, как и образы, символизирующие переживания. Если же мы сведем мистику к символизации действительности переживаниями, то от многих мистических восприятий следовало бы лечь . . . касторкой. Но далее: чувствуя неправду в символизации образов переживаем, ложные мистики наших дней прибегают к соборности; если «А», «В», «С» переживают одно, если «А», «В», «С» видят одинаковую провиденциальность в том или ином совместном восприятии явления, то эта общая порука уже устанавливает истинность мистического восприятия. Какой вздор!

Атмосфера, в которой мы живем, вся наполнена явлениями гипнотического, медиумического и телепатического характера. Не только словом, но взглядом, но несказанной мыслью я могу заразить известный круг лиц моим восприятием: попробуйте неожиданно постучать карандашом по столу перед чутким собеседником, гипнотизируя его взглядом, и он воспримет этот стук с тем психическим

тембром, который вы вложили в него. Далее: известный круг лиц, часто встречаясь, начинает жить общей психической жизнью. Психическое клише, одинаково воспринимаемое и «А», и «В», и «С», есть равнодействующая того материала переживаний, которые были вложены в него «А», «В», «С». Если это психическое клише «Х» питается непрерывно все новым и новым входящим в него материалом, то оно начинает расти, как единый живой организм, в котором крепнет индивидуальность «А», «В», «С». «А» становится богаче в своем «АХ», «В» в «ВХ», «С» в «СХ»: Х (АВС) — вот знак соборности известной группы. Но разве это мистика? Ведь гипнотизм, медиумизм и передача мыслей на расстоянии быть может и являются одним из условий приближения к мистике, но все <же> это не мистика. При такой соборности две группы «М» и «N» с одинаковым правом назовут чернильницу символом Христа, как и символом Антихриста. Соборность наших мистиков всегда есть узаконенный произвол: не более. Мистика есть отрицание всякого произвола: она есть внутренняя закономерность в росте и организации переживаний, образующих ступени внутреннего пути. Индивидуализм есть отправная точка для мистики. Поступательное развитие в переживании и творчестве ценных символов, путем борьбы и завоевания новых частей света во вселенной, именуемой душой, никогда не разрывает с индивидуализмом. Индивидуальность не ищет точки опоры в другой индивидуальности; но единообразный закон развития личности не может не связать всех, прошедших одинаковые ступени развития, не ими установленной связью. Соборность их вовсе не в отрицании индивидуализма, вовсе не в насаждении (гипнотическом) навязывании переживания друг другу, или в слабозольном (медиумическом) восприятии его, а в центральном росте отдельных личностей. Наши соборники вовсе не понимают этого; не понимают потому, что они не мистики; в их развитии души вы не увидите устремления к одному солнцу, взрывающему все новые и новые пласты переживаний в одном направлении: они стремятся расширить периферию своей души в направлении друг к другу; но они не находят друг друга в себе самих; и растянутая душа разрывается в клочки; вот почему соборность наших мистиков — это клочки разорванных душ, перемешанных друг

²⁰ О стилизациях в литературе второй половины 1900-х годов см.: Шубин Э. А. Художественная проза в годы реакции. — В кн.: Судьбы русского реализма начала XX века. Л., 1972, с. 84—92.

с другом и влекомых в... пустоту бесцельности.

Наши мистики не знают, что экстаз — спокоен; это вовсе не опьянение чувств: это прощание разума чувством, чувства волей, воли разумом: это погружение в глубокую, зеркально ясную глубину, в которой рождается *ясное зрение*: ясновидение. Истинный мистик потому и мистик, что он живет, опираясь на ясновидение; в эти моменты черпает он силу переживать обыденность; мистерия, т. е. коллективное погружение в тайну, есть примитивная стадия мистического пути; но и до нее *нужно дойти*. Наши ложные мистики, кажется, и не подозревают всей примитивности мистерий для посвященного в более сокровенные глубины духа сравнительно с мистом и эпоптом.²¹ Мистерия для них — предел пути; и у них нет даже мистерий; а мистерии есть и будут; но нравственно нечистые, они не умеют ни искать мистерий, ни слушать тишину.

Современные мистики говорят о дионисизме. Но дионисическое состояние и откровения, приближаемые дионисизмом, суть ложные состояния, ложные откровения; это — не мистика; мистика далеко за пределом дионисизма. Внутренний путь пересекает дионисический пояс духа с тем, чтобы выйти к иному, живому; но разорванные в клочки души современных мистиков если и дойдут до чего... то разве до свального греха. В этом предустановленном пути они совершат вечную ошибку грубых орфических культов Греции или фаллических сект; пожалуй, они сольются со хлыстами, растворятся в них. Но разве в хлыстовстве предел глубины? Хлыстовство — уродливый уклон, скат с мистического пути... не более. Буря, о которой вещают нам современные мистики, есть буря в стакане воды в лучшем случае; в худшем случае она есть превращение гостиницы в дом терпимости.

Обыкновенно неуравновешенные души, наввно верящие, что они стоят на пути,

²¹ В древнегреческих мистериях проникновение участников в ритуал было постепенным; обычно различались две степени — предварительное посвящение, делавшее участника мистом (μίστικός), и окончательное созерцание мистерии, делавшее его эпоптом (ἐποπτής — созерцатель); последний мог сделаться мистагогом, т. е. руководителем других в мистерии.

²² Магические ритуалы различных орфических культов содержат мотив воссоединения разделенного в половой любви. Фаллический культ (широко распространенный в греко-римском мире, а также в западной Азии и Египте) выражался в обоготворении органов оплодотворения и поклонении им как символам плодородия земли и человека.

начинают с принятия истин дионисизма, а кончают пьянством и путешествиями в публичные дома. Поблагодарим судьбу, если новоявленные мистики не доведут нас до... педерастической религии (да простят мне кощунственные слова, но... пусть узнают те, кому знать ведает, что правда и оскверненная ныне «мистика» дороже нам правил литературного приличия, покрывающих мерзость).

О, современные мистики произносят пышные слова о Софии, Премудрости Божией, о гностической Софии, о том, что Эрос и Логос — одно! Не забудем, что слова эти, взывающие к истинному ведению и *ясному зрению*, уже в глубокой древности превращались в средства к созданию гнусных культов: еще у офитов²³ София была гермафродитом; а в тайных собраниях арабских разветвлений секты присутствующие поедали всякие мерзости²⁴ с возгласом: «Ессе Pascha».²⁵ А тождество между Эросом и Логосом есть прямая дорога к содомии. Нет, пора остановить совершающееся безобразие; ведь в него вовлекается все большее и большее число юных душ. И с точки зрения аморализма истинной мистики блудодеяние при посредстве дионисизма и гностицизма лучше парализовать чтением «Санина».²⁶ Не читайте современной мистической эротики: «Санин» здоровее и чище: вот что хочется крикнуть.

«На каком основании он так пишет: разве он мистик, разве он моралист? Разве его это дело?» — воскликнет читатель. Да, это мое личное дело: на основании внутреннего права, мне данного, я называю вещи своими именами. Пусть придут ко мне и спросят меня о праве современные псевдо-мистики и они получат ответ. Но есть слова, не выдерживающие бумаги; есть мысли, произносимые шепотом: их нельзя разглашать со страниц журнала. Можно только сказать с достоверностью «нет» тем уродливым путям мистического блудодеяния, на которые нас зовут лживые учителя и сомнительные пифии. Горе им!

Б. Бугаев

²³ Офиты (греч. οφίς — змея) — название древних гностических сект, исповедовавших культ змеи как символа верховной премудрости, умирающей и воскресающей мировой души.

²⁴ *Зачеркнуто*: экскременты друг друга.

²⁵ «Вот Пасха!» (лат.).

²⁶ Роман М. П. Арцыбашева «Санин», опубликованный в 1907 году в журнале «Современный мир», вызвал большой общественный резонанс и шумную полемику в связи с его героизмом — человеком «новой этики», проповедующим аморализм и свободу проявления естественных инстинктов.

МОНОЛОГ № 1

СОРОК ТЫСЯЧ КУРЬБЕРОВ ²⁷

Черт возьми, Петр Иванович! Почему вы не писатель? Не понимаю, Петр Иванович, — вы только читатель. А вы, даю голову на отсечение, писатель, да еще какой — ух какой: писателище, можно сказать, талантище эдакий!

Не прибегайте к содействию Ивана Александровича: Боже вас упаси. Так-таки и не скажет он ничего там, где следует. Но сенаторам эдаким, адмиралам и литературным превосходительствам всего мира отчего бы, Петр Иванович, вам — вам, собственной персоной своей не сказать, что вот, мол, ваши сиятельства, живет себе, знаете ли, Бобчинский эдакий, Петр Иванович.²⁸

Да ну же, Петр Иванович: и тесто же вы, как я на вас посмотрю: вам бы всходить себе, а вы, ну право же, вовсе прокисли — не перебивайте меня!.. А чтобы вам затеять свою эдакую какую-нибудь кухню, можно сказать, литературную; а не свалить ли нам, как я посмотрю, чертовское какое-нибудь такое тесто, что ли. *Цусимой* эдакой понатужиться, *футы-путы* какое-нибудь такое, черт возьми, разыграть. Сюда, положим, эдакой *«бездной»* дернуть, туда всякими «телами обнаженными» да «огненными ужасами» пройти да «наваринским дымом с искрою», чтобы всякими эдакими словечками, шалун вы мой, в роде «золотарно-огнистый», в нос ударило. Перчиком-с, перчиком-с, эдак, присыпьте тесто, поджарьте хорошенько всякими *«черт вас возьми»* в роде аллитераций там всяких: трепетным треском, знаете ли, *треводно трельте*, чтоб в ушах *«тр—тр—тр...»* стояло: не хуже, мол, я других каких: книжечкой их всех тисните, да так, чтоб сорок тысяч Ноздревых из каждой строки на все четыре стороны перло. И подпишитесь: *Эак*.

— Кто да кто автор?

— Бобчинский, Петр Иванович.

— Ах он, шельма эдакая!

Черт вас возьми, Петр Иванович! Пишите, ей-ей пишите: нынче литература эта самая на манер кулинарного искусства: доподлинно известно, сколько чего в какой пропорции класть, знаете ли: репептишки есть, хи-хи, на фасон руко-

водства женщины повара Мороховца там и прочего. Пишите: ей-ей, можно сказать, ангельски, выражаясь высоким штилем, божественно, батенька мой, напишите.

Вот вам примерно рецептишко.

Что-нибудь, так сказать, хаотическое то есть, в некотором роде, сумбурное, выражаясь проще, без какого бы ни было такого ясного и прочего смысла: какое-нибудь такое столкновение, знаете ли, слов: — ну смутное, что ли, бессмысленное; чтоб в них эдак-с глубиной, сударь мой, глубиной и жестокими, черт возьми, движениями человеческого сердца в коротких глагольных выражениях, то есть, в глаголах энергично, можно сказать, выразилось.

«Сел», знаете ли, *«курул, душил, лобзал»* там что ли. Эте-те-те-те — стойте: никак вы местоимение тут присовокупили: «Он», либо «она», либо «ты» какое-нибудь. Боже вас упаси — зачеркните, почтеннейший: никакого толка не выйдет: с носом, милейший, останетесь и при пиковых интересах: редактерище там какой-нибудь, Павел Иванович эдакий, знаете ли, с брюшком, как приложит к носу пенснэ, так рукопись вашу *«шварж»* в корзинку, с самым, можно сказать, с анафемским видом и выражением саркастических чувств: в тарариковые тартарары — фьюить — прокатитесь, выражаясь лаконически, ежели хотя одно только местоимение присовокупите. Знаете сами: солидный барин Павел Иванович Чичиков или там Иван Александрович или какие прочие господа литераторы респекту никакого не окажут вовсе тут, любезнейший, вам ни дна ни покрывки: охают, облают, в гроб, можно сказать, уложат, а на страницах журнала ходу вам не дадут — нет-с! И псевдоним ваш, *Эак*, никоим образом не поможет.

Ида-с, ангел вы мой: тут не до шуток. Ну и с глаголами тоже поумереннее, занозистый вы человек, поумереннее поступайте; небось заладите все фразами, выражаясь точно, лаконическими изъясняться: «Встал. Сел. Вошла. Посмотрела. Улыбнулись. Обнялись». Никакого толку не будет. Десять процентов всякие там глаголы займут, ну а семьдесят пять эдак процентов на всякие иные витийства словесные: знаете, так себе, бездны какие-нибудь откройте, какими-нибудь эдакими *«огненными ужасами»* да «хаосами» попризаймитесь. Прочие пятнадцать процентов потребны вам для прохладения внимания «нежно-акварельными» небесами, что ли, или, можно сказать, «оранжевыми листьями осени»; то есть, увлажните око читателя, чародей вы эдакий, красотаи природы. А главное соблюдайте препорцию.

Ну вот вам и рецептишко, добрейший мой Петр Иванович, — да: можете еще

²⁷ Зачеркнут подзаголовок: Монолог Добчинского.

²⁸ Подразумевается просьба Бобчинского, обращенная к Хлестакову (действ. 4, явл. VII): «Я прошу вас покорейше, как поедете в Петербург, скажите всем там вельможам разным: сенаторам и адмиралам, что вот, ваше сиятельство, или превосходительство, живет в таком-то городе Петр Иванович Бобчинский. Так и скажите: живет Петр Иванович Бобчинский» (Гоголь Н. В. Полн. собр. соч., т. IV, с. 66—67).